

Г. И. Сергеева

«ПРИХОДНО-РАСХОДНАЯ КНИГА ШТАТНОЙ КАЗНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ АЛЕКСЕЕВНЫ» 1719 г. О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ
ЦАРСКОГО ДОМА И ЕГО ОБИТАТЕЛЕЙ

Источники по истории петровского времени содержат в себе многочисленные свидетельства не только о происходивших тогда в стране важнейших исторических событиях, но и о повседневной жизни царской семьи. К числу таких документов относится «Приходно-расходная книга штатной казны императрицы Екатерины Алексеевны» 1719 г. (далее: «Книга расходов»), хранящаяся в Научно-историческом архиве Института истории Российской академии наук в Санкт-Петербурге¹. Документ представляет собой переплетенные в книгу листы бумаги начала XVIII в. в мягком кожаном переплете «сумкой» коричневого цвета с тисненым геометрическим рисунком. Такого рода переплеты характерны для петровского времени. Позднее документ был «реставрирован». На это, среди прочего, указывают приклеенные на переплет изнутри обрывки бумаги с текстом, отпечатанным типографским способом, возможно, более позднего, чем начало XVIII в., времени. Местами эти обрывки склеились с первым листом оригинального текста книги, сверху которого сохранилась запись, сделанная почерком начала XVIII в.: «Книга денежной казны 1719 году». В самом начале документа вложены два листа бумаги, разграфленные по типу инвентарных или иных канцелярских книг учета. Вверху первого из них напечатан типографским способом заголовок: «Опись бумагам, в сем деле имеющимся». В описи четыре рубрики:

1. Ведомость деньгам Е. И. В. Государыни Екатер. I, находящимся у подъячего Ив. Орлова, в 1719 году (сокращения в тексте. – Г. С.).
2. Ведомость жалованью, выданного служащим на 1719 год, а также деньгам, выданным за разные работы в 1719 году.
3. Книга расходов, что издержано на мелкие расходы Е. И. В. Екатерины I.
4. Ведомость деньгам, издержанным Е. И. В. на милостыню (1719 г.).

Далее расписано содержание книги по месяцам, с января по декабрь, с указанием страниц, на которых расположены записи. Тексты самих записей сделаны по дням месяцев. В деле 164 листа. Подлинник. Почерк – начала XVIII в.

К 1719 г. прошло уже семь лет, как столица переехала в Санкт-Петербург, и жизнь «переселенцев» постепенно налаживалась. Построены в основном оба дворца Петра – Второй Зимний и Летний. Однако переделки, перестройки и отделочные работы в них продолжаютс².

Минуло немногим больше года после возвращения царя из второго заграничного путешествия. Напоенный новыми впечатлениями и вдохновленный идеями от увиденного в Европе, Петр погружается в решение военных, дипломатических и других вопросов. Одновременно он задумывает многое изменить в идущих работах по строительству – адмиралтейства, фортификационных сооружений, его собственных дворцов, по созданию садов и др.

Как и прежде, большую часть времени царь проводит в разъездах. Во время его отсутствия хозяйкой дома оставалась Екатерина. На ее плечи ложилось решение вопросов, связанных не только с обустройством быта семьи, но и, шире, – с организацией жизни царского дома во всех отношениях, что представляло подчас весьма непростые задачи.

Из документов за 1719 г. следует, что зимой царская семья живет в Зимнем дворце, весной переезжает в Летний, где остается до осени. Это подтверждают, в частности, записи в «Походных Журналах» за 1719 г. В Летний переезжали, как правило, после того как на реках сходил лед и устанавливалась теплая погода. В Зимний – после наступления холодов и когда на реке уже вставал лед. В 1719 г. это было 30 ноября³. Следовательно, после этой даты, или немного ранее, переехали в Зимний дом. Сказанное не исключает, что семья, в том или ином составе, постоянно перемещается – или в другие царские дворцы, или в особняки знати.

Различные источники по истории петровского времени дают возможность получить представление о том, как был устроен царский дом. Его ядром была семья царя – жена, дети, внуки, невестки – и родственники ближнего круга – племянники, дяди, тетки и др., о которых царь постоянно заботился.

В семье царя к началу 1719 г. четверо детей: три дочери и сын. Старшей дочери Анне в это время одиннадцать лет. Второй, Елизавете, – девять. Петру Петровичу, долгожданному наследнику, рожденному в 1715 г. в законном браке, к началу 1719 г. чуть больше трех лет. «Государыне Царевне Наталье Петровне», которую «Бог даровал» «в 20-й день августа месяца 1718-го года»⁴ к январю 1719 г. всего пять месяцев.

Внуки Петра I, великий князь Петр Алексеевич, будущий император Петр II, и великая княгиня Наталья Алексеевна, дети умершего царевича Алексея Петровича, живут в доме царя. Сведения об этом есть в переписке Петра и Екатерины. 23 июля 1719 г., сообщая царю о здоровье царского семейства, она писала: «О ином же отсюды (из Петербурга, и конкретно, находясь в Летнем дворце. – Г. С.) не имею чем уведомить, токмо что я з детками и уже и *со внучаты нашими, которые с 17 дня сего июля здесь обретаются* (здесь и далее выделено курсивом мной. – Г. С.), слава Богу, все в добром здоровье, и веселятца здесь изрядно»⁵. Подтверждение этому мы находим также в записи на чертеже из коллекции Ф. В. Берхгольца, где изображен западный фасад галереи в Летнем саду, соединявшей Летний дворец с Людскими покоями. Текст на немецком языке следующего содержания: «Фасад каменной галереи в Императорском саду *перед зданием, в котором жил император Петр II, в бытность его Великим князем*, которая примыкает к императорскому дворцу и выходит в сад, со стороны которого и изображен этот фасад»⁶.

Для организации жизни семьи и удовлетворения насущных нужд ее членов существовал обширный штат придворной прислуги. При доме его царского величества обретались различные мастеровые люди и служители: повара, хлебники, скатертники, коровницы, прачки, бабы, что мыли полы в царских домах (и не только). «Парухмахеры»

украшали головы членов семьи замысловатыми прическами. Швеи, в том числе золотшвей, шили одежду и другие предметы обихода – занавесы, постельное и исподнее белье. Золотых дел мастера изготавливали украшения из драгоценных металлов и камней. Гребцы перевозили членов семьи или иных лиц, посланных с различными поручениями, на тот или иной остров. Специальные матросы вытаскивали царские суда на берег возле дворцов, где на карауле стояли солдаты. Охранялись и комнаты царя и царицы. Возле царских персон, согласно установленным правилам, состояли денщики, камер-пажи. Выезды царицы сопровождали гайдуки. Конюхи и другие служители трудились на конюшнях. К детям были приставлены многочисленные мамки, комнатные девушки, карлы и карлицы, музыканты. Возле дверей их комнат стояли караульные солдаты. Для обучения детей были приглашены учителя немецкого и французского языков.

Целый штат садовников и садовых рабочих следил за состоянием садов. Специальный человек чистил раковины в садовых фонтанах. Зверовщики присматривали за обитателями зверинцев. Птичники – за птицами, как находившимися в клетках, так и свободно разгуливавшими по садам. За голубями следили птичники-голубятники. Служили при царском доме егери, плетеночного дела мастер, каминного дела мастера, токари и слесари в царских токарнях, где, как и возле мыльни, стояли на посту солдаты, и т. д.

«Книга расходов» 1719 г. сообщает следующие подробности о повседневных заботах царицы и о жизни царского дома и его обитателей.

Большого внимания и хлопот Екатерины требовали строительные и отделочные работы, которые продолжались в царских домах – Зимнем и Летнем дворцах, на о. Котлин, в Екатерингофе, Елизаветгофе и др. Из записей видно, что оплата разных работ на этих объектах идет из денег ее казны. Так, 15 февраля «по указу Ея Величества всемилоостивейшей Государыни Царицы»⁷ выплатили деньги «[...] по письму из оружейной канцелярии надсмотрщика Константина Аввакумова [...] к позолоте в доме Ея Величества замков дверных, гвоздей шпалерных [...] и к прочим работам, которые делают по приказу Ея Величества»⁸. Эта запись дает сведения и о том, кто наблюдал за проводившимися во дворцах работами.

21 февраля заплатили стряпчему Ивану Ушакову 18 руб. 15 алтын 2 деньги за изготовление для дворца в Елизаветгофе оконных рам и фурнитуры к ним – крючков с петлями, петель навесных и др. Осенью, 10 октября, выплатили деньги столяру Федору Кузьмину за изготовление рам в Зимнем дворце и во дворце на о. Котлин. 21 декабря у «торгового человека» Матвея Короткого купили 31 аршин зеленого сукна «на обой в доме царского величества зимнем новом в одной палате стен, в которой ныне канцелярия»⁹. О какой канцелярии идет речь, из документа не ясно.

Шло обустройство жилых помещений не только для царя, царицы и их детей, но и для других членов семьи. Так, 3 сентября оплатили работу портных Фаддея Галактионова, присланного из Санкт-Петербургского гарнизонного полка, и Семена Сафронова и Кирилла Потапова из Белозерского полка, которые «[...] в палате, где великий князь, обшивали шпалеры, на крыльцо и на каморку шили холст», сшили чехлы на тринадцать стульев, обшили две ширмы и др.¹⁰

Для крепления тканых обоев к стенам использовали медные гвозди. Из записей в «Книге расходов» видно, что их покупали тысячами. Так, 23 февраля на рынке купили четыреста желтых медных гвоздей на прибавку обоев в мыльне (из текста не ясно, где она располагалась). 23 марта также на рынке у «торгового человека» Егора Васильева

купили «на прибавку обоев в доме Ея Величества Зимнем, в верхней наугольной палате, две тысячи гвоздей желтых медных, семь фунтов гвоздей, на которые зеркала ставят [...] фунт веревок тонких, на которые зеркала поцепляют»¹¹. Сказанное не означает, что царица сама распорядилась, сколько, каких гвоздей и на какие нужды следует купить. Ей об этом докладывали ответственные за работы люди. Но выдача денег производилась исключительно с ее веденія и по ее царскому указу.

Запись от 14 февраля позволяет обратиться к любопытному факту из истории построек, находившихся на территории Летнего сада, а именно Людских покоев. Она сообщает, что 14 февраля был куплен «у торгового человека Егора Васильева в дом царского величества Летний к казенной Его величества для запиранія дверей замок висячий желтой большой»¹². Речь идет об одной из казенных комнат, находившихся в Людских покоях. На «Плане нижнего апартаментна каменному строению при старом летнем доме на реке Фонтанке» (т. е. плане Людских покоев), хранящемся в РГИА, показаны несколько комнат, обозначенных как казенные¹³. Из записи в «Книге расходов» становится понятным, что эти комнаты надежно запирались. Как свидетельствуют документы, в них в разное время хранили такие ценные вещи, как янтарный кабинет, картины и плитки, привезенные из Голландии, китайскую посуду, ящики с кроватями, различные раритеты¹⁴.

Некоторые записи документа позволяют увидеть внутреннюю обстановку комнат царского дома, обустройство его отдельных помещений. Так, 19 сентября по указу царицы были выплачены кормовые деньги обойщику Василию Васильеву за период с 20 июня по 19 сентября. В «Книге расходов» перечислены выполненные им работы: «в доме Их Величества обивал две комнаты, два нужника кожей, два нужника красным бархатом, стул маленькой красным же бархатом, стул зеленым бархатом, три ставня полстью в мыльню, два нужника красным сафьяном, а мыльни сени холстом, нужник черным сафьяном, двои ширмы зеленою камкою, два стула ореховые бархатом красным с тесмой белой»¹⁵. Еще одна запись сообщает о проводившихся работах в мыльне на территории Летнего сада: плотник «Моисей Петров сын Архипов» делал в ней пол и потолок, за что 18 июля ему заплатили 20 руб.

В 1719 г. в обоих царских дворцах продолжаются доделки и переустройства. Несмотря на это, семья в них живет. Тогда как в предыдущие годы, когда в них также проводились перепланировки и отделочные работы¹⁶, детей помещали на жительство в дома знатных сановников. Так было летом 1717 г., когда обе царевны, Анна и Елизавета, а также Петр Петрович жили в доме С. В. Рагузинского. Когда обе девочки заболели оспой, Екатерина решила перевезти Петра Петровича «из двора Саввы Рагузинского в летней дом», чтоб болезнь «не прилипла и к Царевичу». На это указывает письмо Екатерины Петру I от 11 июня 1717 г.¹⁷

Из работ, проводимых в Летнем дворце в 1719 г., исследователи отмечают штукатурные работы в четырех комнатах, настилку полов, окончательную доделку Зеленого кабинета, изготовление штукатурных рам на потолках комнат с плафонами, написание плафонов¹⁸. Согласно «Книге расходов», из перечисленных выше работ деньгами из казны Екатерины было оплачено написание плафонов. В настоящее время плафоны украшают семь помещений дворца. Два из них, как установлено сегодня специалистами, были написаны швейцарским художником Г. Гзелем, который приехал в Россию в 1718 г. Оба плафона – подписные. Это «Триумф России» во Второй Приемной

и «Триумф Екатерины» в Тронной Екатерины¹⁹. «Книга расходов» сообщает, что дважды в 1719 г. Г. Гзелю из казны царицы были выплачены деньги за написание плафонов. Запись о первой выплате датирована 27 августа, когда было «дано живописцу иноземцу Гзелю, который написал в доме Его Царского Величества в одну палату на потолке картину, за работу той картины денег восемьдесят рублей». Вторая запись относится к 17 ноября. Тогда было «дано живописцу иноземцу Юрью Гзелю, которой писал в дом Его Величества Летнем на потолок картину живописным мастерством, а имянно в нижнюю палату, где стоит кровать бархатная, за труд ево денег восемьдесят рублей»²⁰.

«Палата, где стоит кровать бархатная» – это, вероятнее всего, Спальня Петра I. На фиксационном плане дворца М. Земцова 1726 г. пунктиром обозначено место, где находилась кровать. Потолок зала украшает плафон «Торжество Морфея». Назначение комнаты как спального помещения подтверждает наличие камина, который являлся скорее декоративным элементом как непременный атрибут дворцов, возводимых в России в начале XVIII в. по европейской моде. Обогревалась же Спальня через стенку печью соседнего помещения²¹.

Новые дворцы требовалось обустроить, обставить мебелью, что также было заботой хозяйки дома. Еще в 1718 г. Екатерина приказала купить за границей «домовые уборы»: хорошие столы, стулья, стенные зеркала, две или три недорогие кровати и «одну кровать доброй работы с завесы пунцового бархата, и чтобы художеской работы вышиты были царские имена и над ними короны»²². Мебель для царских дворцов изготавливали на местах или привозили из-за границы. Приобретали как отдельные предметы, так и целые комплекты. За границей и покупали уже готовую мебель, и делали ее по распоряжению царя на заказ. Документы петровского времени содержат много сведений об этом²³.

В царских домах имелось много кроватей. Так, уже после смерти Петра I в Голландский домик в Петергофе было снесено 60 кроватей со всеми постельными принадлежностями и запасами белья (вместе с другими предметами мебелировки и другой утвари из боковых флигелей и кухни). В Монплезире в одной из комнат стояла кровать с зелеными шелковыми занавесками «на галанский манер», в Верхних палатах в одной из «камор» – кровать, обитая белым атласом, с серебряным позументом и «бахромюю работы китайской», в другой – «кровать штофная лазоревая»²⁴. «1720 года по указу царского величества [...] в Летнем доме [...] пять кроватей поставили»²⁵.

В документах петровского времени есть немало указаний о покупке английских кроватей²⁶. Записи в «Книге расходов» также подтверждают покупку английских кроватей в 1719 г.: 10 мая «было заплачено торговому иноземцу агличанену Вилиму Элмзалу за взятые у него *четыре кровати шелковые разных цветов*, которые взяты у него для посылки в *разные* Его Величества дома, и за один шкаф ореховый [...]»²⁷. «Книга расходов» сообщает также, что летом 1719 г. некий француз Рокинар (?) делает «переправку» английских кроватей, за что в июле и августе ему выплатили деньги из казны царицы. Так, 10 июля было «дано французю Рокинару за переправку у кровати аглинской бархатной трех корон, а имянно за вышивку по рисунку золотом и серебром» 20 руб. Затем, 14 августа, заплатили «французю Рокинару, которой у кровати аглинской бархатной три короны переправливает, а имянно вышивает по рисунку золотом и серебром», еще 20 руб.²⁸ Таким образом, есть все основания предполагать, что заказанная Екатериной в 1718 г. кровать с вышитыми на ней именами царя, царицы и коронами была доставлена в Россию.

Поляк-очевидец, посетивший в 1720 г. Летний дворец Петра Великого в составе посольства Станислава Хоментовского, писал об убранстве дворца, что он был красиво украшен китайскими обоями, а в *трех комнатах стояли бархатные кровати* с широким позументом²⁹. Возможно, среди них была и английская бархатная кровать с коронами, вышитыми золотыми и серебряными нитями, и эту вышивку «переправляя» в 1719 г. французский кроватный мастер Рокинар.

Среди мебельных мастеров, работавших в России как в петровское, так и в аннинское время, сегодня известен французский кроватный мастер Рошбот (Рушбот)³⁰. Имя кроватного мастера Рокинара до настоящего времени не встречалось.

Многочисленный штат придворной прислуги также требовал внимания и трудов хозяйки дома, которой докладывали о необходимости приобретения для слуг обуви, одежды и обеспечения униформой камер-пажей, карл, караульных солдат, гайдуков. По указу царицы 4 января 1719 г. у «торгового человека» Бориса Кузмина купили шесть шуб бараньих «спрачкам, которые для мытья сорочек ходят на реку», и «салдатам, которые в доме царского Величества Летнем стоят на часах»³¹. Одежду для солдат, стоявших в карауле у дворцов царя, а также для прислуги шили портные – солдаты разных полков: «...санкт-питербурхского гарнизона... Бахмеотова полку Никифор Медняков, Белозерского полку Трофим Коротков, Полтавского полку Никифор Уланов»³². Им 8 января по указу царицы выплатили деньги за шитье теплых епанчей на волчьем меху для караульных солдат, по теплой епанче карлам Фролу Щепеткову, Юрье Вулаваеву (Вулеваеву), а также за изготовление «маленкому арапу, которой ныне привезен, постели, двух подушек, подеяла холодного, да двух занавесок китайских, где спят денщики и прочие дому Его Величества». Зеленое сукно для шитья епанчей и пять волчьих мехов для них купили у «торгового человека» Прокофия Короткого. А ткань на кафтаны и штаны пажам царицы Густаву Голстейну и Антону Детордену – у торговца Василья Худякова. Продавцам выплатили деньги за приобретенные товары соответственно 29 января и 2 марта³³. Возможно, из темно-зеленого сукна была сшита верхняя одежда, епанча, также и пажам, тогда как мундиры они носили черного цвета. В «Книге расходов» сообщается, что 27 декабря заплатили «купецкому человеку» Матвею Короткому за 31 аршин черного сукна, «[...] которое взято на дело мундиров пажам Ея Величества Густаву Голстену и Антону Детордену, двум гайдукам мундиров же», за шесть дюжин пуговиц гарусных кафтанных на «приклад» – мундиров пажам и шесть дюжин пуговиц камзольных³⁴. Карла Мокей Челищев был облачен в мундир вишневого цвета, сшитый портным «агличанином» Питером Стуртом (Стурком), которому 16 июня заплатили за эту работу 3 руб.

Для шитья мундиров, кафтанов и другой одежды был необходим «приклад» – ткань на подкладку и отделку, пуговицы и пр. Питеру Стурту оплатили сполна шелк, гарус, три дюжины пуговиц кафтанных гарусных, четыре с половиной портища³⁵ пуговиц камзольных, клеянку³⁶, холстину под штаны, подзоры к штанам. В этом же году был сшит мундир из черного сукна для еще одного карлы – по имени Яким Волков, за что портному Григорию Яковлеву 19 августа было заплачено 40 алтын³⁷.

Приведенные тексты дают нам имена карл, находившихся в этом году при царском дворе, – Фрол Щепетков, Юрья Вулаваев, Мокей Челищев, Яким Волков (это еще не все карлы, были и другие), пажей Екатерины – Густав Голстейн и Антон Деторден, позволяют узнать цвет и характер ткани, из которой шили одежду, – сукно черного цвета

у гайдуков, сукно вишневого и черного цвета у карл и сукно черного и темно-зеленого цвета у пажей, и содержат интересный факт: зимой, когда семья не жила в Летнем дворце, он охранялся караульными солдатами, на которых была теплая, из зеленого сукна на волчьем меху, епанча. Проживая зимой в Зимнем дворце, царь нередко ходил в Летний дом для решения и улаживания разных дел и вопросов. Починкой «епанеч, которые на часовых салдатах», занимался портной Ермолай Осипов³⁸.

Мундиры пажам и гайдукам тоже шили портные – солдаты разных полков. В «Книге расходов» есть их имена – это присланные «из Санкт-Петербургского гарнизонного полку» Фаддей Галактионов «да Белозерского полку» Семен Сафронов и Кирилл Потапов. В этом году они же сшили также по шубе трем карлам, двум арапам, двум гайдукам³⁹.

Арапы, упоминаемые в документе, находились при комнатах детей. Их имена – Петр и Яков. Запись в «Книге расходов» свидетельствует, что арап Яков жил при комнате Петра Петровича: 3 марта из денег казны царицы было «дано серебреннику иноземцу [...] Бранту на позолоту серебряного ожерелья, которое ожерелок зделан маленькому арапу Якову, который живет при комнате Государя Царевича Петра Петровича, один червонной по цене два рубля»⁴⁰. Поскольку выплата денег происходила в марте, то, скорее всего, речь идет о Зимнем доме. Но так как в Летний дворец переезжали со всем двором, то, соответственно, и в нем, в комнате царевича, жил маленький арап. Об одном арапе известно, что он был привезен в январе 1719 г. Об этом говорится в приведенной выше записи от 8 января. В январе же швее, «баба Варвара Дмитриева», сшила ему «двенадцать пар рубах», что видно из записи от 3 января. Видимо, до этого времени при дворе был только один арап. Кто был привезен в январе (или ранее), Петр или Яков, документ не сообщает. Впоследствии упоминаются уже оба. Весной этого года двум арапам сшили мундиры и камзолы с пуговицами, обшитыми золотыми нитями. 30 апреля у «торгового человека» Егора Васильева купили шесть портиц «пуговиц кафтанных обшивных золотных» на мундиры «двум малым арапам Петру и Якову» и четыре портица камзолных им же на камзолы. Летом, 18 августа, у «торгового человека» Ивана Рудакова им купили по две пары башмаков и по две пары гарусных чулок⁴¹. Вероятно, исподнее белье им шила «баба Варвара Дмитриева», тогда как верхнюю одежду – другие портные: «Книга расходов» указывает, что портному Ермолаю Осипову 3 февраля выплатили деньги на покупку трех портиц маленьких деревянных пуговиц и нитей для шитья платья одному из арапов. Для холодного времени года у шапочника Даниила Иванова для арапов заказывали шапки. По указу царицы их обучением занимался священник «церкви Воскресения Господня, что в доме блаженной памяти царевны Наталии Алексеевны», Игнатий. Он же обеспечивал их продовольствием. Эта его работа соответствующим образом оплачивалась⁴².

В документе упоминается также некая «баба арабка», которой 30 апреля были куплены у «торгового человека» Егора Васильева «башмаки женские». Как следует из документа, жила она «при комнате Ея Величества». В начале июня она скончалась. 5 июня «на дело гроба» у «торгового человека» Ивана Игнатьева купили двести гвоздей двоетесных», заплатили 2 гривны. А «на дело за могилу, которая зделана на погребение тела вышешписанной арапки», из казны царицы выдали «полтину»⁴³. Каких-либо иных сведений о ней в документе нет.

Гардеробом Екатерины и членов царской семьи занимались как иноземные портные, так и местные швеи. Находящаяся в «Книге расходов» ведомость расчетов швей,

составленная ими самими для Екатерины Алексеевны, дает нам представление о том, какие работы они выполняли и какова была стоимость этих работ. Текст, без указания даты, находится среди страниц с записями о выплатах в мае (см. Приложение 1).

Кроме упоминавшегося иноземного портного англичанина Питера Стурта, в документе встречается еще один портной – по имени Штейнбах (Штеинбах, Штеинбок). Он шил платье для царицы и детей. 2 января ему заплатили большую сумму денег – 129 руб. 17 алтын 2 деньги: «[...] за шитье Ея Величеству всемилостивейшей Государыне Царице лацкинов⁴⁴, которые он сшил в прошлом 1718 году в разных месяцах [...] а именно за четыре лацкана разных»; за шитье платья царевичу Петру Петровичу – «[...] за зеленое штофовое, за синее, за красное камчатое⁴⁵, за ретиновое⁴⁶ красное [...] за приклад к тому платью пуговиц золотых и серебряных кафтанных и камзольных и за шелк». Также он сшил 16 платьев царевнам Анне Петровне и Елизавете Петровне: «[...] два платья серебряные обьяренные⁴⁷ [...] два тафтяные брусничные [...] два платья тафтяные светлазоревые [...] два тафтяные темножелтые [...] два тафтяные зеленые [...] два тафтяные желтые [...] два зеленые полосатые [...] два штофные с красными и белыми цветами». В эту сумму входила также оплата «[...] за приклад к тому платью снурку серебряного, пуговиц серебряных, нитей серебряных, белой тафты»⁴⁸.

Интересно отметить, что девочки носили платья, одинаковые по характеру ткани, цвету и рисунку, украшенные серебряным шнуром, расшитые серебряными нитями и с серебряными пуговицами. Каждое из них шилось в двух экземплярах.

Маленькой царевне Наталье Петровне и внучке Петра, великой княгине Наталье Алексеевне, к Рождеству и Новому году также сшили новые платья из полосатого штофа, для чего 21 декабря приобрели ткань у «купецкого человека» Матвея Короткого⁴⁹.

Одежду для внуков, как видим из документа, шьет тот же портной, который шил платье для самой царицы и царских детей, нет никакого различия. 23 октября портному Штейнбаху заплатили за шитье платьев царским внукам – великому князю Петру Алексеевичу и великой княгине Наталье Алексеевне. Для чего было куплено три аршина с четвертью белого сукна на кафтан великому князю. Также приклад – три портища пуговиц кафтанных, три портища – камзольных, двадцать золотников серебряных ниток на петли, шелк, холстина, клеенка, два аршина белых тафтяных лент на штаны. Также великому князю на кафтан купили три аршина с четвертью лазоревого сукна и приклад – три портища пуговиц кафтанных и три портища с половиной камзольных, шелк, холстину, клеенку. На еще один, обьяренный, камзол купили три портища пуговиц серебряных, клеенку, шелк, два аршина лент на штаны, пряжку серебряную на португезю. Великой княгине Наталье Алексеевне Штейнбах сшил два платья – камчатое лазоревое и серебряное обьяренное. Был оплачен и приклад к ним – фижмы, шелк, крапешина, ленты, крючки, три золотника серебряных шнурков на лацкан и др. Великий князь Петр Алексеевич носил по моде того времени парики, один из которых в 1719 г. ему купил камер-паж царицы Семен Маврин. «Перучок» он купил на свои деньги, а 18 сентября ему было выдано за это 15 руб.⁵⁰

Ткани для одежды покупали как у иностранных, так и у русских купцов, а также у производителей тканей. Весной, в апреле, по указу царицы было заплачено французу Багре за взятую у него в мануфактуре тафту, а именно за двадцать аршин тафты синего цвету [...] двадцать аршин с полу аршином тафты красной». Деньги должен был передать паж царицы Антон Деторден. В этом же месяце у «торгового иноземца» Кристофа

Дистервалта купили «три куска *флеру белого*»⁵¹. А 14 августа по указу царицы «купецкому человеку» Матвеем Короткому заплатили за двенадцать с половиной аршин «*штофу*»⁵² *полосатого по белой земле*, «за платок шелковой, что взяли государыни царевны, с яблоками, которой брала мама Авдотья Ильина», за шестьдесят восемь аршин «*штофу суконного алого*, которой взят в бытность Ея Величества в Москве» 33 руб. 15 алтын⁵³.

Приведенные выдержки из текстов документа позволяют получить представление о колористической картине мира петровского времени. К разноцветным тканям одежды можно добавить нитки разных цветов, использовавшиеся для вышивок: 9 апреля у торговца Данилы Иванова купили «[...] для отдачи в комнату Ея Величества всемилоштивейшей государыни царицы по три золотника шелку несученого *красного, алого, зеленого, желтого, белого, василькового*»⁵⁴. Если представить, что все это разнообразие цветов на костюмах и вышивках существовало в окружении столь же разноцветных тканей, которыми обивали стены и мебель, можно воссоздать всю палитру цветов, какую только знали в то время.

Любопытно, что у Екатерины вызывали интерес ткани в полоску. Их покупали по ее распоряжению не только для шитья платьев детям и внукам, но и для изготовления «завесов» – портьер. «Книга расходов» сообщает, что в комнатах царевен «завесь» были *из полосатой тафты*. Их сшили солдаты «санкт-питербурхского гарнизону» – Федор Кошеваров «с товарищи»⁵⁵. Интерес к тканям в полоску объясняется также модой того времени.

На шитье исподней одежды, в частности нижних юбок, как царицы, так и дочерей шло ивановское полотно. Его покупали у торговцев Егора Васильева и Прокофия Короткого – «[...] на поткладку под юбку Ея Величества исподнюю», а также у Данила Иванова – «[...] на подкладку под юпки их высочествам государыням царевнам Анне Петровне и Елисавет Петровне, которые их высочествам ныне шьются»⁵⁶. Впечатляет количество белья, которое шили швеи. Так, Марье Ивановой, одной из девушек, которая шила исподнее, 3 января заплатили за 30 сорочек, которые она сшила царице.

На ногах и царица, и девочки носили обувь из красного сафьяна. «На дело башмаков Ея Величеству и Государыням Царевнам» 25 июня у «торгового человека» Ивана Соловьева купили *красный сафьян*. Шил обувь сапожник Исая Алексеев. Руки девушки закрывали перчатками. 27 декабря заплатили «купецкому человеку Матвеем Короткому за десять пар *рукавиц лаковых с лентами*, которые изволили взять государыни царевны сами в 1717-м году, когда изволили гулять на гостином дворе». Ленты, нередко заграничного производства, для украшения разных деталей и предметов одежды покупали в торговых рядах. Так, 18 сентября торговцу Алексею Аристову заплатили «за двенадцать кусков *лент флоретных* (т. е. флорентийских. – Г. С.) разных цветов». По указу Екатерины он купил их на свои деньги и отдал в комнату царицы девушке Анне Ивановой⁵⁷. Эта запись дает имя девушки, которая прислуживала при комнате царицы. Она же шила царице в конце этого года траурное платье, для чего 27 декабря у «купецкого человека» Матвея Короткого приобрели «четырнадцать аршин с половиною *тафты черной струйчатой*, которая взята на платье Ея Величества и отдана портной Ивановне». Это была не единственная девушка, приставленная к комнате царицы. «Книга расходов» дает нам имя еще одной – Варвары Мартьяновой. Упомянувшийся портной Ермолай Осипов в декабре 1719 г. сшил для нее тоже черное платье. Интересно, что в конце декабря, несмотря на приближающиеся рождественские праздники, шьется одежда черного цвета, то есть

траурная: черное тафтяное платье для царицы, черное же платье для ее комнатной девушки и платье из черного шерстяного штофа для карлы Якима Волкова. Впрочем, у прислуги это могла быть «форменная» одежда. Царица же надевала черное платье, возможно, из-за траура по какому-либо лицу, умершему в эти дни или ранее. Так было 8 марта 1719 г., когда она надела «черное платье по Короле Швецком». «Ведомость о смерти Короля Швецкаго» была получена 28 февраля, а в присланной к русскому двору грамоте шведской королевы было объявлено, что «оной умре в 30-м числе Ноября 1718 года»⁵⁸.

Для хранения гардероба царицы существовали отдельные комнаты во дворцах. Мы не располагаем сведениями о такой комнате в Зимнем или других царских дворцах. А вот о гардеробной комнате в Летнем дворце мы узнаем из «Книги расходов». 29 мая гребцу Дмитрию Ширшову было «заплачено за пятьдесят досок [...] шильных, которые взяты на обой палаты, в которой содержица Ея Величества всемилостивейшей государыни платье, по три алтына за доску, итого четыре рубля с полтиной. Да за провоз тех досок с лесного двора до государева Летнего дому»⁵⁹. Возможно, что эта комната располагалась не в самом дворце, а в Людских покоях.

Различные товары для нужд семьи покупали как в торговых рядах, так и прямо на торговых судах, прибывавших в Петербург. В апреле у «торгового иноземца» Лоренцо Петронеле «Государыня Царица изволила взять сама, как гуляла в рядах», пять платков шелковых, двадцать аршин лент пунцовых. У торговца «Кристиана Глика»⁶⁰ – «[...] книгу, имянуемую атлас, которая взята Государыням Царевнам Анне Петровне и Елисавет Петровне», и «книгу, имянуемую Телеман». В этом же месяце было «в магазейн заплачено за тазик медной, которой взят в комнату государыни царевны Наталии Петровны», – возможно, для купания маленькой царевны. В августе заплатили «иноземцу голландцу шхипору» Якову Келю за купленные у него «прямо на гукоре» две медные игрушечные пушки великому князю Петру Алексеевичу, «[...] которые пушки Ея Величество изволила ему великому князю отдать сама». У «торгового иноземца» Юзофа Мазари купили «столлик алебастровой», две трубки «с пенковыми чебуками», три глиняных ящика с игрушками, три зеркала, «крушку каменную», три гребешка, три серебряных наперстка, две чашки алебастровые, девять перстней и другие товары. В конце 1719 г. произвели расчеты с купцом-иноземцем Адамом Мусом за приобретенные у него «в разных месяцах и числах» товары: за тридцать пять аршин черного бархата, девять бумаг булавок, по двенадцать бумажек каждая, за один платок государыне царице, за шесть аршин коломянки⁶¹, за два с половиной фунта масла ячменного, за тридцать четыре фунта пудры. Весной, в апреле, царица, гуляя в рядах, приказала купить олени рога. Их прибили на ворота кухмистра Юрьи Потана. Речь идет об известной истории о якобы неверной жене царского кухмистра. Правда, в ней упоминается личный мундцох царя – Ян Фельтен⁶².

Как любая мать, Екатерина заботилась о своих детях – об их воспитании и образовании. Тем, что постарше, покупала книги, украшения, маленьким – игрушки. Примечательно, что «Ведомость жалованью, выданному служащим на 1719 год, а также деньгам, выданным за разные работы в 1719 году», с которой начинается «Книга расходов», открывает перечень тех лиц, которые находились при комнатах детей.

При «комнатах Государыни Царевны Анны Петровны» обретались: Авдотья Игрунова⁶³, комнатные девушки (нередко это были иностранки, которые в России получали

имена и фамилии на русский манер; в документе иногда их обозначают «девка» или «баба») Дарья Иванова, Беата Крестьянова, Софья Степанова, Катерина Бухвостова, Марфа Шепелева, французенка Дентоне, две карлицы – Устинья Никитина и Марфа Данилова, карла Флор Сидоров, а также Матвей Дементьев⁶⁴. Целый штат дворового люда находился при комнатах «Государыни Царевны Елисавет Петровны». Ей прислуживали: «Л...на [нрзб.] Андреева» и ее сын Яков Андреев (иностранцы), девушки Анна Беата, которая в 1719 г. году вышла замуж и по этому поводу ей выплатили приличную сумму денег, практически ее годовое жалованье, «Грита Гликша», или Грета Глик, – родственница К. К. Глика (Глюка), Акулина Толстая, Анна Юрьева, Авдотья Лаврентьева, две карлицы – Авдотья Павлова и Аксиныя Тимофеева, а также Афанасий Калугин. Для обучения иностранным языкам царевнам наняли двух учителей. Немецким языком с ними занимался немец по фамилии Поуфлер, французским – Рамбоур⁶⁵. При «комнатах Государыни Царевны Наталии Петровны» находились: кормилица Марфа Юрьева, старуха Анна Николаева, девка Алена Иванова, Катерина Иванова, Марья Андреева, Прасковья Васильева, две прачки – Марья Андреева и Герта Федосеева, Александра (?) Иванова. Две последние – иностранки. Надсматривала за прачками шведка Сигре Скеете. Баба Катерина Иванова также была шведкой⁶⁶. Девушки должны были носить красивое платье. 17 января комнатной девушке Елене Ивановой из казны царицы выплатили сумму, которую она издержала на платье, которое было велено шить для нее по приказу царицы. Оплатили 19 аршин коломянки, ткань на подкладку юбки, крашенину, тафту на обшлага и пошив этого платья⁶⁷. Платье из чистого льна с обшлагами из мерцающей тафты действительно смотрелось очень красиво.

Предметом особой заботы царицы был наследник, Петр Петрович. Не случайно список лиц, находившихся при комнатах детей, в «Ведомости жалованью...» открывает перечень слуг, приставленных именно к его комнатам. Охранял наследника, стоял на карауле, солдат Гаврила Буторин. В январе он женился, и «для женитьбы его» ему выплатили 15 руб. Выше говорилось о двух арапах, которые были при наследнике. При комнатах царевича Петра Петровича находились также: бабушка Авдотья, девушки Маргарета Данилова, Агнета Иванова (обе были иностранки), карлица Анна Иванова, солдат Осип Иванов, прачка Домна Федорова и музыкант Яган Пондуловский. Также там находился упоминавшийся выше карла Юрья Вулаваев⁶⁸.

Царским детям полагалось все самое лучшее. 5 марта «у торгового иноземца Кашпира в комнату государя царевича Петра Петровича» купили «два стаканчика резных хрустальных бес крышек, один стаканчик гладкой с крышкой, ис которых его высочество кушал полпиво»⁶⁹. Полпиво – это легкое, слабое пиво. Несмотря на маленький возраст, детям давали его пить.

В своих письмах к Петру Екатерина именовала сына «хозяин наш питербухской». На него, как на будущего правителя, возлагали особые надежды и Петр, и Екатерина. О любви Петра к детям от Екатерины свидетельствуют документы. Екатерина, в свою очередь, всячески поддерживала эти чувства Петра, и особенно к маленькому наследнику, что хорошо видно из ее писем к царю. 24 июля 1718 г. она писала ему о здоровье Петра Петровича и далее добавляла: «И прошу, батюшка мой, обороны: понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а имянно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал; но более любит то и радуется, как молвиш, что здесь папа»⁷⁰. Или в письме от 31 июля того же года: «Дорогой наш шишечка своего

дорогова папа упоминает и, слава Богу, с прочими обретаетца в добром здорвьѣ»⁷¹. Заметим, ребенок еще маленький, ему немногим более 2,5 лет. Как отмечают исследователи, слабый здоровьем, трехлетний Петр осенью 1718 г. еще не говорил и не ходил⁷². Не исключено, что имя Петр мальчику было дано не без влияния Екатерины. Он получил имя своего отца, что было нетрадиционным для Романовых, так как именем живого предка крестить было не принято. «Особенно значимым для Петра I было наречение сына, родившегося в 1715 г., Петром. В феврале 1718 г. он официально был объявлен наследником престола вместо старшего сына царя от первого брака царевича Алексея. Таким образом, подчеркивалась преемственность от Петра-отца к Петру-сыну, которая, впрочем, так и не реализовалась на практике из-за скорой смерти царевича»⁷³.

В те времена к детской смертности относились как к воле Всевышнего: «Бог дал – Бог взял». Однако смерть Петра Петровича 25 апреля 1719 г. стала для его родителей ударом. Записи в «Книге расходов» косвенно подтверждают это. Царица сама лично занималась подготовкой необходимых вещей для погребения – заказывала ткани для печальной церемонии, для траурной одежды малыша, следила за ее изготовлением. Хоронили наследника в богатом платье, которое шили придворные швеи. В вышеприведенной ведомости расчетов швей о сделанной ими к маю работе записано отдельной строкой о сшитой для похорон одежде царевичу Петру Петровичу: «Платье на похоронение за работу и за прикладенное». 1 мая из денег казны Екатерины было «заплачено купецкому человеку Ивану Корчагину (?) за восемь портиц с полу *пуговиц золотных обшивных*, которые у него взяты *на платье* Государя Царевича Петра Петровича, в *котором платье его высочество по смерти блаженногo успения его положен во гроб*»⁷⁴.

Осенью этого года, 2 октября, по указу царицы были выплачены деньги торговцу «Кашпару Кервидеру»⁷⁵ [...] за взятые у него в [...] 1719-м году в апреле месяце 23-го числа, а имянно за пятьдесят за три аршина за три чети *штофу суконного черного* [...] за одиннадцать аршин с четью *сукна черного тонкого* [...] за шестнадцать аршин *флеру черного широкого* [...] за тринадцать аршин за две чети *флеру узкого* [...] за тридцать за пять аршин с пол аршином *флеру самого узкого* [...] а те вышеписанные товары *изволила принять Ея Величество сама*. Напомним, 24 декабря рассчитались с иноземцем Адамом Мусом за купленные у него среди прочего 35 аршин *черного бархата*⁷⁶. Нет сомнения, для чего предназначались эти ткани.

Не ясно, из каких палат выносили гроб с телом царевича, умер ли он в Зимнем или в Летнем доме. Судя по дате, 25 апреля, это вполне мог быть уже Летний дворец. В Походном журнале за 1719 г. нет записей о том, когда семья переехала в Летний дом. Но любопытны сведения в «Книге расходов» о выплатах «бабам за мытьѣ полов» во дворцах в 1719 г. В Зимнем доме эти записи датированы начиная с 3 января по 18 апреля. Следующая такая запись сделана уже 29 апреля, и в ней идет речь о Летнем дворце: тогда заплатили «бабам за мытьѣ полов в доме Ея Величества Летнем двадцать алтын». На следующий день, 30 апреля, Летний дворец снова убирают, в нем моют полы. 4 мая бабам заплатили «за мытьѣ в казенной Ея Величества Летнем доме». Выплаты происходили также 9 и 29 мая, неоднократно в течение июня, июля и августа. Эти записи косвенно указывают, что семья живет в Летнем доме. Бабы мыли полы не только в «Летнем государевом доме», но и «в палате, где великий князь» жил (7 июля), и во дворце Екатерины, «что у Конюшенного двора». А 24 июня они мыли пол в «сосновой роще» в саду⁷⁷. Имеется в виду пол в галерее, находившейся в этой роще. Готовились

праздновать годовщину Полтавской победы. Праздник состоялся 7 июня в Летнем саду. «Ея Величество Государыня Царица купала в галерее, что подле Летнего Двора в роще и при Ея Величестве Князь Светлейший и протчие; и по обеде гуляли в саду и под вечер был фейерверк». 29-го числа также в саду торжественно праздновали тезоименитство Петра I. Сам царь с 17 июня находился в Ревеле, где он и приближенные к нему лица также «праздники брали»: 25 июня праздновали именины царевны Елизаветы Петровны, а 29-го числа – тезоименитство царя⁷⁸.

Любопытные сведения о том, как проходило это празднование в Санкт-Петербурге, передает «Походный журнал»: «...получены ведомости из Санктпетербурха печатныя, которыя при сем сообщаются». И далее следует пересказ опубликованной в газете от 1 июля реляции, как 29 июня в Петербурге «преславное действие тезоименитства монарха... всероссийского Петра Перваго, исправлялося, духовным и политическим ордином». Духовным – было «молебство... в церкви Святыя Живоначалныя Троицы». Служил митрополит Рязанский Стефан. На службе присутствовала Екатерина. Митрополит в своей речи говорил о том, «каким путем шествовал за Христом Петр Верховник Апостольский, и каким путем ныне шествует за Христом Петр Верховник Всероссийский». Деяния обоих Петров он сравнивал с деяниями Христа. Когда вышли из церкви, была всенародная радость с громкой пушечной пальбой, царская трапеза, музыка, пение и «гульба в вертограде Царском, идеже вся чувства насладились. Зрение, видящи неизреченную красоту различных древес в линию и перспективу разположенных, и Фонтанами украшенных, тут же и речная устремления веселящая и град и огород Царский. Ухание от благовонных цветов имущее свою сладость. Слышание от мусикинских и трубных и пушечных гласов. Вкушение от различнаго и нещаднаго пития. Осязание приемлюще цветы к благоуханию. Последи же по западе солнца были преизрядные фейерки...». И не была бы радость от всего этого так велика и полна, если бы не присутствовала при этом сама государыня царица с дочерьми, Анной и Елизаветой, говорилось в реляции⁷⁹. Текст ярко демонстрирует аллегорическое понимание мироустройства, характерное для людей эпохи барокко.

«Вертоград Царский» – это Летний сад. Работы, производившиеся в нем в 1719 г., отнимали много сил и времени Екатерины. Петр I, после увиденного им не так давно в Европе, в первую очередь в Версале, принял решение о необходимости внести изменения в планы соорудившихся царских садов. 28 июня 1717 г. в письме А. Д. Меншикову из Спа он писал о предстоящих переменах в создании садов в Стрельне и Петергофе: «[...] хотя я и писал из Голландии, чтоб по праекту Леблонову огород сажат, но как видел во Франции, то надлежит переправки быть [...] и о том я именно писал, чтоб того до меня не делал»⁸⁰. Давал он свои распоряжения и относительно Летнего сада. Контроль за выполнением его повелений лежал на плечах Екатерины. «Книга расходов» содержит лишь несколько записей о выплатах по их исполнению. Например, 29 января дали 20 руб. на дорогу до дома служителю его величества Михаилу Британуву, который был послан из Санкт-Петербурга в Ярославль, Вологду и Кострому «[...] для збирания и высылки в Питербурх голубей лутчих родов, також белых и других родов павлинов». Сообщается и такой факт, что галереи, находившиеся в Летнем саду, красили пленные шведы. 21 августа арестованным шведам Ягану Гелберу «[...] с товарищи десять человек, которые работали в саду Царского Величества Летнем, а имянно мазали галереи красками, ради их сущей бедности [...]» выплатили каждому по 10 руб. Узнаём

из документа также имя служителя зверинца в саду – «зверовщик Матвей Федоров сын дьяков, который у *белых медведей и дикобраза*, и садового рабочего, который был «за старостью отпущен», – Леонтий Иванов. 24 августа ему «для его сущей бедности в приказ пятнадцать рублей» назначили⁸¹. «Не досчитались» в саду в этом году и еще одного работника. «Которой француз делал новые цветники, – писала Екатерина 5 июля Петру, – шел он беденкой ночью через канал⁸², сполся с ним напротив Ивашка Хмельницкой, и каким-та побытом с того мосту столкнув, послал на тот свет делать цветников»⁸³.

Как видим из «Книги расходов», в 1719 г. деньгами из казны царицы оплачивались незначительные работы по саду. В действительности же весной и летом в нем были произведены большие преобразования. Это не отражено в «Книге расходов», так как средства на эти работы шли, очевидно, из других статей царской казны. О том, где хранилась царская казна, или какая-то ее часть, «Книга расходов» также дает нам сведения – на Летнем дворе, и вероятнее всего, в упоминавшейся ранее «казенной»: 9 января заплатили две гривны «извощику за провоз *из летнего его величества двора в государев зимний двор* тысячи пятьсот рублей денег медных, которые были взяты на расходы Ея Величества государыни царицы»⁸⁴.

Что касается представленного документа, то в «Книге расходов», помимо изложенных фактов, можно почерпнуть сведения о многих других событиях и обстоятельствах жизни царского дома и о тех, кто обеспечивал его существование. Например, о том, что 24 июля заплатили «*гребцам Ея Величества Ивану Фадееву с товарищи 11 человек за таскание судов против государеву саду* по рублю, итого одиннадцать рублей». «Того же числа [...] дано *матрозам*, которые обретаются при дворе Ея Величества, Семену Бочкареву с товарищи, осмнадцать человек, *за таскание [...] судов из невы* в приказ по одному рублю человеку, итого осмнадцать рублей»⁸⁵. Другие документы петровского времени позволяют дополнить эти сведения. Так, раковины в саду чистил Андрей Алберц с учениками Семеном Ларионовым и Макаром Андрияновым, садовниками работали Яков Шульц и Питер Шевлер, за птицами смотрел птичник Симон Шталь, видимо немец, а птичника-голубятника звали Евдоким Никитин, и работал он не один, а «с товарищи». В мыльне и в токарне стояли на карауле трое солдат, на яхтах, торншхотах, на галиоте и буерах служили 28 матросов, готовили пищу для членов царской семьи два кухмистра, Ян Фельтен и Юрья Потан, и повар Францишек Свинтицкий. Первый, Ян Фельтен, как известно, был личным мундкохом Петра I. В денщиках ходили восемь человек. Расширенный список служителей царского двора дан в Приложении 2.

С приходом холодов жизнь двора не замирала, а оставалась по-прежнему активной и насыщенной. В конце декабря наступали Рождество и новый год, а с ними праздничные гулянья – игры ряженных, маскарады, ассамблеи. Об этом говорят содержащиеся в «Книге расходов» различные сведения, как приведенные выше, так и те, что остались за рамками настоящей работы. Вместе со свидетельствами из других источников по истории петровского времени они позволят в будущем раскрыть новые, неизвестные ранее ее страницы⁸⁶.

¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604.

² Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. СПб., 2015; Михай-

лов Г. В. Зимние дворцы Петра I. Архитектура и художественное убранство. События и люди. СПб., 2020.

³ Походный журнал 1719 года. СПб., 1855. С. 130.

- ⁴ Походный журнал 1718 года. СПб., 1855. С. 29, 31.
- ⁵ № 142. – 1719 июля 23. Письмо Государыни Екатерины Алексеевны к Петру I, с уведомлением о здоровье царского семейства, о состоянии погоды, устройстве бассейна и посылке припасов // Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1861. [Вып.] 1 : Переписка императора Петра I с государынею Екатериною Алексеевною. С. 105.
- ⁶ Архитектурные чертежи и планы Санкт-Петербурга (1730-е – 1740-е гг.) из коллекции Фридриха Вильгельма Берхгольца. Шведский национальный музей изобразительных искусств. СПб., 2017. Т. 1. № 7.
- ⁷ Словами «По указу Ея Величества всемогуществейшей Государыни Царицы» начинается каждая запись в документе. В настоящем тексте далее опущено.
- ⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 33.
- ⁹ Там же. Л. 35, 92, 104.
- ¹⁰ Там же. Л. 82 об.
- ¹¹ Там же. Л. 121, 65 об., 124–124 об.
- ¹² Там же. Л. 119 об.
- ¹³ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 36. Л. 1. «План дворца и каменного здания при нем на берегу р. Фонтанки». На самом чертеже надпись: «План нижнего апартаментов каменному строению при старом летнем доме на реке Фонтанке». Сведения предоставлены Н. В. Новоселовым, за что выражаю ему мою признательность.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 9. 2-е отд. Ч. II. Оп. 9/4. Кн. 91. Л. 55.
- ¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 87.
- ¹⁶ Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. С. 112, 113.
- ¹⁷ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 86. Письма Екатерины Алексеевны, А. В. Макарова и других лиц Петру I, Лодыженскому, Куракину и другим лицам за 1717 г. Л. 32. № 219. Копия.
- ¹⁸ Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. С. 113.
- ¹⁹ Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л., 1988; Кареева Н. Д.: 1) К вопросу об источнике росписи двух плафонов Летнего дворца Петра I // Тезисы докладов Второй научной конференции Летнего сада и Дворца-музея Петра I. СПб., 1999; 2) К вопросу о первоисточнике росписей трех живописных плафонов Летнего дворца Петра I и их аллегорическом значении // ТГЭ. [Т.] 58 : Петровское время в лицах – 2011 : материалы науч. конф. СПб., 2011; Каминская А. Г. Художники Георг и Доротея Гзель в Петербурге // Проблемы русской культуры XVIII в. : материалы конф. памяти Н. В. Калязиной. СПб., 2001.
- ²⁰ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 67, 101.
- ²¹ Ухналев А. Е. Летний дворец и Летний сад в царствование Петра I. С. 141.
- ²² Цит. по: Кузнецова О. Н., Борзин Б. Ф. Летний сад и Летний дворец Петра I. С. 150.
- ²³ Гусева Н. Ю.: 1) Петровское барокко // Русская мебель. От петровского барокко до александровского ампира. М., 2004; 2) Мебель. Петровское время // Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет : иллюстрированная энцикл. СПб., 2006. Т. 2; Ботт И. К. Царскоесельская мебель и ее королевские владельцы. СПб., 2009.
- ²⁴ Архипов Н. П. Исследования по истории Петергофа. СПб., 2016. С. 300, 319, 325, 327.
- ²⁵ Цит. по: Сементовская А. К. Обивочные ткани конца XVII и начала XVIII в. // Бюллетень № 9 : сб. науч. работ, посвященных подготовке к проведению реставрации по Летнему дворцу Петра I, 1956–1961 гг. Рукопись. Л., 1965. С. 1–5 // ГРМ. Сектор «Летний дворец и Домик Петра I».
- ²⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 33; Сергеева Г. И. О некоторых закупках за границей для царских «плезирных домов» // ТГЭ. [Т.] 97 : Петровское время в лицах – 2018 : материалы науч. конф. СПб., 2018. С. 321–322.
- ²⁷ «Вилим Эмзаль», возможно, иноземный купец Вилим Эмзель (Гемзель), которому заплатили 8 апреля 1719 г. деньги за часы «с машином» для А. Д. Меншикова (Петербург в эпоху Петра I : документы в фондах и коллекциях Научно-исследовательского архива Санкт-Петербургского Института истории : каталог / под ред. Ю. Н. Беспятовых, В. Н. Гинева. СПб., 2003. С. 465. № 2465 и комментарий).

- ²⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 64 об., 72 об.
- ²⁹ Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году // *Беспятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 155.
- ³⁰ *Гусева Н. Ю.* Антуан Рушбот – мастер «кроватьного убору» // Русское искусство эпохи барокко : сб. статей / Государственный Эрмитаж. СПб., 1998. С. 158–285.
- ³¹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 13 об.
- ³² См.: Петербург в эпоху Петра I. С. 679.
- ³³ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 15, 30, 36 об.
- ³⁴ Там же. Л. 102 об.
- ³⁵ *Портище* – лоскут, кусок грубой ткани или плотной бумаги, на который нашивался комплект из двенадцати пуговиц (дюжина). Портище служило единицей измерения также и для ткани. На бумажки нашивали не только пуговицы, но и мушки, булавки. В документах петровского времени нередко встречаются записи о «бумажках» мушек или булавок. См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/82309/%D0%9F%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%89%D0%B5 (дата обращения: 26.03.2020).
- ³⁶ *Клеянка* (клеенка) – разновидность тафты. Сведение предоставлено Н. И. Тарасовой, за что выражаю ей свою признательность.
- ³⁷ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 55, 76.
- ³⁸ Там же. Л. 119.
- ³⁹ Там же. Л. 82 об., 108 об. – 109.
- ⁴⁰ Там же. Л. 36 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 45 об., 117, 74.
- ⁴² Там же. Л. 119, 109, 83 об.
- ⁴³ Там же. Л. 158 об.
- ⁴⁴ *Лацкан* (лацкен, лацкин, лацка) – то же, что стомак (*англ.* stomach) – декоративная вставка для корсажа платья. Сведение любезно предоставлено Н. И. Тарасовой, за что выражаю ей мою признательность. В тексте документа данный термин встречается как в женском роде – «лацка», так и в мужском – «лацкин», «лацкен», «лацкан».
- ⁴⁵ *Камка* – тонкая ткань с разнообразным по композиции цветочным рисунком, как правило шелковая, одноцветная. Камка бывала и «двуличной», т. е. двухсторонней. См.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок : костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. М. ; СПб., 2006. С. 63.
- ⁴⁶ Вероятно, имеется в виду *ратин* – шерстяная ткань саржевого переплетения со слегка волнистым ворсом на лицевой стороне. См.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка ... С. 123.
- ⁴⁷ *Обьярь* – тонкая шелковая ткань с введенной золотой или серебряной нитью и особой обработкой шелка при помощи специальных валиков. См.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка ... С. 100.
- ⁴⁸ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 12 об., 13.
- ⁴⁹ Там же. Л. 104.
- ⁵⁰ Там же. Л. 95–95 об., 96, 86–86 об.
- ⁵¹ Там же. Л. 43–43 об., 73.
- ⁵² *Штоф* – очень плотная шелковая ткань различного переплетения – крепового, репсового и др. См.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка ... С. 173. Также: *штоф* – тяжелая шелковая или шерстяная ткань с тканым рисунком. См.: Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/271782> (дата обращения: 26.03.2020).
- ⁵³ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 73.
- ⁵⁴ Там же. Л. 125–125 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 124 об.
- ⁵⁶ Там же. Л. 30, 118 об., 122.
- ⁵⁷ Там же. Л. 58 об., 76, 102, 86.
- ⁵⁸ Там же. Л. 102, 102 об.; Походный журнал 1719 года. С. 117, 118.
- ⁵⁹ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 129 об.; Петербург в эпоху Петра I. С. 435. № 2525.
- ⁶⁰ К. К. Глюк (Глик) – купец, ассессор Камер-коллегии. См.: Петербург в эпоху Петра I. С. 691.
- ⁶¹ *Коломянка* – ткань из льняной пряжи с добавлением пеньки для более дешевых сортов. См.: *Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка ... С. 81–82.

- ⁶² Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 42–42 об., 44 об., 67 об., 86 об., 97–97 об., 107, 126.
- ⁶³ У царевны Анны Петровны была кормилица Авдотья Ильинишна, именины которой приходились на 1 марта (см.: Походный журнал 1714 года. С. 90); возможно, это одно и то же лицо.
- ⁶⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 126.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 90.
- ⁶⁶ Там же. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 8 об., 9, 65.
- ⁶⁷ Там же. Л. 21.
- ⁶⁸ Там же. Л. 18 об., 4 об., 5, 5 об., 37.
- ⁶⁹ Там же. Л. 122.
- ⁷⁰ Письма русских государей и других особ царского семейства. [Вып.] 1. С. 76.
- ⁷¹ Там же. С. 78.
- ⁷² *Щепкин Е. Н.* Петр Петрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона СПб., 1898. Т. 23а. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80_%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87 (дата обращения: 08.04.2020).
- ⁷³ *Пчелов Е. В.*: 1) Антропонимия династии Романовых в XVII в. // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 203–205; 2) Династия Романовых : генеалогия и антропонимика // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 76–83.
- ⁷⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 47, 45.
- ⁷⁵ Кервидер (Карвидер) Кашпир (Каспар, Кашпир) – иноземный купец, жил в Нарве, по взятии которой русскими в 1704 г. продолжал торговать в России. См.: Петербург в эпоху Петра I. С. 706.
- ⁷⁶ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 89–89 об., 107.
- ⁷⁷ Там же. Л. 128, 128 об., 129, 135, 136, 133.
- ⁷⁸ Походный журнал 1719 года. С. 122, 43, 45.
- ⁷⁹ Там же. С. 59–66.
- ⁸⁰ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 551. Копия.
- ⁸¹ Там же. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 27–27 об., 79, 71 об., 67–67 об.
- ⁸² Имеется в виду Поперечный канал, разделявший 1-й и 2-й Летние сады.
- ⁸³ № 131. – 1719 июля 5. Письмо Государыни Екатерины Алексеевны к Петру I, с известием о своем здоровье, о посылке вина, о новоустроенном пруде и нечаянной смерти садовника // Письма русских государей и других особ царского семейства. [Вып.] 1. С. 95.
- ⁸⁴ Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 117 об.
- ⁸⁵ Там же. Л. 66 об.
- ⁸⁶ В выписках из документа знаки препинания расставлены согласно современным правилам пунктуации, насколько позволяют его грамматические особенности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ВЕДОМОСТЬ РАСЧЕТОВ ШВЕЙ*

Ея Величеству Государыне моей всемилостивейшей Екатерине Алексеевне.

Золотая штофовая лацка зделана за работу и за прикладенное	1 руб. 50 коп.
Еще такая же лацка	1 руб. 50 коп.
Серебряная штофовая лацка, за работу и за прикладенное	1 руб. 50 коп.

* Формулировка заголовка – автора статьи.

Еще серебряная серебром вышитая лацка у золотников
серебряной нитки и серебрянного позументу зато 2 руб. 40 коп.

Его Высочеству блаженной памяти Государю Царевичу Петру Петровичу.

Картуз сделан за работу и за золотую шнурку и кисточки
и за клеенку 1 руб.

[Прзб.] кафтан сделан за работу за 4¹/₂ портищи пуговиц
за работу и за 4 унца серебряных ниток ткачам дано 2 руб. 40 коп.

За крашенину и шелк 25 коп.

Платье на похоронение за работу и за прикладенное 2 руб.

Их Высочествам Государыням Царевнам.

Два полосатые платье сделаны за работу 6 руб.

За прикладенное 3 руб.

Десять золотников серебряных шнурков на лацканы и нашпенки 2 руб. 85 коп.

За восемь пуговиц 50 коп.

Два белыми и красными цветками шафторки сделаны за работу 2 руб.

За четыре пуговицы и шелк 50 коп.

Два белые камчатые платья за работу 6 руб.

За прикладе[нное] 3 руб.

За пуговицы и шнурки 60 коп.

Всего 42 руб. 40 коп.

Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. Оп. 1. Ед. хр. 604. Л. 47–47 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

1719 г., ЯНВАРЯ 19. ВЕДОМОСТЬ О ГОДОВЫХ ОКЛАДАХ АРХИТЕКТОРАМ И ПРОТЧИМ ИНОЗЕМЦАМ И РУССКИМ МАСТЕРОВЫМ И СЛУЖИТЕЛЕМ ПРИ ДВОРЕ ЦАРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

	Рубли
Архитектору Зингеру	1000
Такарному мастеру Ганцу Георгу Цаннопенсу	450
Живописцу Яну Тангоуру	320

	Рубли
Учителю Поуфлеру, которой учит государынь царевен немецкому	300
Другому учителю Рамбоуру, которой учит французскому языку	200
Кандуктеру Питеру Никласу Юнсену	120
Кухмистеру Яну Фелтену	3
Кухмистеру Юрью Потану	2
Повару Францишку Свинтицкому	
Садовнику Якову Шульцу	
Садовнику Питеру Шевлеру жалованья и кормовых	252
Птичнику Симону Сталу	90
Плетеночного дела мастеру Ягану Питеру Бадинту	144
Яну Дакосте	600
Андрею Алберцу, которой раковины чистит, жалованья и кормовых	225
Архитектору Николаю Микетти жалованья	3750
Такарного дела подмастерья Андрея Костянтинова жене	50
Денщикам 8 человекам на платье и обувь по 75 рублей человеку, а всем	600
Степану Медведю на платье против денщиков же	75
Ивану Кобылякову с женою	75
Федору Мошкову	45
Федору Агееву (?)	25
Священнику Василью Петрову	73
Лариону Думашеву	150
Подъячему Ивану Черкасову	100
Портному иноземцу, которой у государыни царицы	120
Сапожнику Невичу	30
Государыни царицы конюхам, кучерам и протчих чинов	455
Родионовой жене Кошелева	100
Царевны Анны Петровны маме Авдотье	30
Старухе Филата Шанского сестре	20
Луки карлиной матери з детьми кормовых и на дрова	109 р. 80 к.

	Рубли
Да ему Луке	30
Карле Екиму Волкову	30
Ягерам трем человекам	56 р. 40 к.
Ягерскому ученику	15
Птичникам голубятникам Евдокиму Никитину с товарищи, всего 9 человек по 30 алтын на месяц человеку, а всем	97 р. 20 к.
Салдатам трем человекам, которые в мыльне и в такарне по 30 алтын на месяц итого	32 р. 40 к.
Токарю Гаврилу Шальпихину	18
Матрозам 27 человекам, которые при доме Ц.В. на яхтах, торншхойте, на галиоте и буерах по 30 алтын на месяц каждому итого	291 р. 60 к.
Государыни Царицы садовникам, которые при летнем Ее В. доме и в Питергофе, на мундир Семену Лукьянову с товарищи 23 ч. (эта запись обведена фигурной скобкой, и к ней надпись: «В два года и отдавать Неронову». – Г. С.)	99
Раковинного чищенья ученикам Семену Ларионову, Макару Андриянову по 1 алт. по 2 денги на день	28 р. 80 к.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Ед. хр. 90.
Письма и бумаги Петра I за 1720 г. (январь – июнь). Л. 72*